

Как разрезать историю Онегина и Татьяны на куски по 3 – 5 минут?

На операх мое предвоенное воспитание кончилось. Но после войны я попал в лагерь. Летом можно было созерцать белые ночи. Но зимой где-то надо было находить крылья, подымавшие над землей. Оставался только репродуктор, хорошо звучащий в морозные вечера. Москва передавала симфонии Чайковского, и я ходил между бараками, похлопывая рукавицами, и слушал. В лагере мне удалось сосредоточиться на сложных переливах музыкальных мыслей и ассоциаций, и с тех пор серьезная музыка стала моим главным искусством, а легкая музыка – тяжелым крестом. Она раздражает меня поверхностностью, часто пошлостью.

Можно ли разрубить симфонии Чайковского, Бетховена, Шостаковича или "Страсти по Матфею", или "Всенощную" Рахманинова на куски по 3- 5 минут? Если удастся, то выйдет еще хуже, чем "Война и мир" или "Преступление и наказание" в дайджесте.

Дайджесты, принятые в Америке, воспитывают недорослей, слышавших имена великих творцов, но не испытавших встречи с великим искусством, не знавших борьбы за свое внутреннее пространство, недоступное "пиарам". В наш век, полный соблазнов, классическое искусство прошлого – один из важнейших противовесов быстрой смене поверхностных впечатлений, отрывающих человека от его собственной глубины. А всякий грех, как учил митрополит Антоний Сурожский, – это прежде всего потеря контакта с собственной глубиной. Современное использование телевидения сравнимо с влиянием алкоголика в семье, писал Карл Поппер, автор книги "Открытое общество...". Стоит ли превращать "Орфей" в еще одну форму лоботомии, снижения духовного уровня в погоне за массовым рейтингом? Нужно ли подражать коммерческому радио и ТВ, заглушающим культуру? У нас и так слишком много разрушено.

Андрей Кураев, диакон:

- Мне представляется, что в эпоху свободного рынка одна из задач государства состоит в том, чтобы защищать всех тех, которым угрожает быть смытыми рыночной волной. Оно должно защищать людей, которые по каким-то причинам не обладают конкурентоспособными силами, – инвалидов, детей, престарелых. Государство должно защищать те научные и культурные проекты, которые нужны для того, чтобы люди не потеряли остатки цивилизованности. В частности, радио "Орфей" могло бы быть такой отдушиной для тех, кто хочет дышать. Высокая культура никогда не была и не будет массовой. Сейчас времена, когда тоталитарно себя ведет разнузданная попса на всех радио- и телевизионных частотах. И в этих условиях, я думаю, государство могло бы сохранить небольшое культурное "гетто" для тех, кто не хочет превращаться в приставку к телевизионному ящику, кто не хочет иметь хорошо отформатированные мозги. Вот для таких людей, я считаю, нужно понести траты. И пусть утратив какую-то часть аудитории или прибыли, но, я думаю, чем больше будет в нашей стране людей, для которых имена Бетховена, Баха, Глюка не просто имена из энциклопедии, тем больше шансов на наше культурное и духовное возрождение.

Музыка – это школа чувства. Гимнастика чувства. Чем выше у человека опыт личных чувств, тем больше вероятность, что, встретившись с чувствами другого человека, ты сможешь ему помочь.

Зинаида Миркина, поэт, переводчик:

- Власти реабилитируют религию, восстанавливают храмы, но возможно ли истинно религиозное

чувство жизни без умения вслушиваться в глубину, в суть жизни, без умения жить в согласии со средствами, творящими жизнь? Нет религии без тишины, в которой угасает все поверхностное и начинает проступать глубинная музыка духа. Без этой музыки душа мельчает и наконец просто истощается, в ней начинают разгуливать те самые бесы, которые делают наш мир ареной террора и всяческой агрессии. "Орфей" укрощал адских псов, церберов. Великая музыка способна укрощать бесов более, чем что-либо другое. Укорачивая, приглушая "Орфей", мы сами не понимаем, как помогаем бесам. В фильме "Покаяние" звучали по радио великие слова Эйнштейна, призывавшего остановить вакханалию агрессии, а затем диктор говорил: "А теперь перейдем к легкой музыке". И призыв к серьезной работе души сводился на нет. Легкой музыке может быть отведено свое место, но оно должно быть пропорционально серьезности жизни и духовной работе, которая выявляет смысл жизни и предотвращает скатывание мира в пропасть. Может, под легкую музыку и приятно забывать об этой работе, но мне думается, что есть что-то куда более нужное. И это прежде всего та великая классическая музыка, которая воспитывает внимание к душе, к природе и помогает жить. Радиостанция "Орфей" – наше великое богатство. Мы уже много богатств разрушили. У нас без конца показывают по телевизору, как разрушались храмы, но ведь сейчас они разрушаются не меньше. Разрушается храм души. И это делается под очень легкую музыку, все более и более громкую и все более и более пошлую. Может быть, пора остановиться.